

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Одесский автограф Пушкина

Коль скоро речь зашла о сражениях семейства Кобле с саранчой, позволю себе поместить здесь следующий сюжет.

В Облгосархиве этот автограф сохранился чудом, скорее даже благодаря курьезу. Когда изымали документы для Пушкинского дома, сверялись с реестром «расписок разных чиновников и других лиц в получениях денег на прогоны и другие надобности из сумм, хранившихся в канцелярии новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области, с 21-го сентября 1823-го по 10-е число августа 1826 года». Так вот в этот реестр изначально вкрались ошибки. Сверившись с ним, лица, изымавшие автографы, не обнаружили на соответствующем листе искомую пушкинскую расписку. Вместо нее там оказалась расписка другого коллежского секретаря, Перовского, и тоже от 23 мая 1824-го. Не оказалось ее и на ближайших листах. Вот они и махнули рукой, уникальная бумага осталась в Одессе. Невольно вспоминается старый анекдот: «С вашей бесхозяйственностью вы непобедимы».

Лет 30 назад мне свободно выдали это дело на руки. Удивился вслух, и мне ответили, что нет никаких формальных оснований отказывать. Перчаток, естественно, не полагалось. Старался не прикасаться. Как вели себя другие пользователи, не ведаю.

Текст, понятно, многожды публиковался, но все же воспроизвожу его таким, каким переписал:

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-84.

194

Одесса Май 25 дня 1824 года. По случаю отправления шлюпа для сообщения с Ревель о секретари от Уполномоченных Александровских и Елизаветинских, почтительно прошовая за Вашими вольными примерами исполнения рубли Александровских от Касперова Шипучарских Святих. Александровских

Иванов Канцлер
Генерал Александр
Правин

1824

Одесский автограф Пушкина от 23 мая 1824 года

«Одесса. Мая 23 дня 1824 года. По случаю отправления меня для собрания сведений о саранче в уездах: Херсонском Александрийском и Елисаветградском, на уплату прогонов за две почтовых лошади примерно четыреста рублей ассигнациями от казначея титулярного советника Архангельского –

*Получил коллежский
Секретарь Александр Пушкин».*

Ниже слева приписка – 400 р.¹

Кстати, этот самый казначей канцелярии генерал-губернатора почему-то отсутствует в справочниках о пушкинском окружении, хотя, даже если подходить с формальной стороны, неоднократно выдавал Поэту прогонные и прочие суммы. *Иван Яковлевич Архангельский* в сказанной должности успешно прослужил много лет, впоследствии надворный советник, награжден орденами Св. Станислава III степени, Св. Владимира IV степени, Св. Анны III степени, золотую медалью за ликвидацию чумной эпидемии в Одессе в 1837 году. Оклад его в 1823 году составлял 300 рублей серебром, что соответствовало 1.119 ассигнационным рублям (по курсу 3,73).

Информация о том, что «на саранчу» отправляли исключительно низших чиновников, действительности не соответствует. Саранча была стихийным бедствием, катастрофой для обширного региона, так что в прорыв кидали, невзирая на лица. К слову, в архивном деле, на которое ссылаюсь выше, имеются и две расписки В.И. Туманского, фиксирующие его почти синхронные маршруты: Одесса – Маяки – Овидиополь – Дальницкие хутора – Одесса, Одесса – Севериновка – Созоновка – Одесса.²

Софиевская улица

На языке современных риелторов улицу Софиевскую можно было назвать «тихим центром». Лежащая параллельно главной транспортной магистрали, Херсонской, в одном квартале от нее и в двух кварталах от Соборной площади, она и в самом деле была спокойной и тихой. Нечетная сторона и вовсе проходила по приморскому обрыву. Прокладка служившего продолжением этой

улицы Нарышкинского спуска началась лишь в конце 1810-х, однако из-за крутизны пользовались им на порядок менее интенсивно, нежели Херсонским спуском.

В период градоначальства герцога Ришелье здесь постепенно обустроились представители преимущественно нобилитета, а ближе к Пересыпи и Лесной пристани – крупные купцы-лесоторговцы, которые, впрочем, позднее продали свою недвижимость опять-таки аристократам. Первичное устройство тут было не дворовым, а усадебным: приличные двухэтажные барские особняки, службы, магазины, обширные сады. В числе первых фигурантов мы находим дворян Гельфрейта (адъютант Ришелье), Лопухиных, Скаржинских, Турчанинову, Потоцких, Дитерихса, фон Бейера, Кулеша, Козена, Войцицкую, Корнеева, Карпова, Богдановича, Жевахова, Верлейна, Теплова, Черноглазова, Семенова, Селеховых, Акацатову, Мещерских, Елиашевича, Кюрье, Давыдовых, Нарышкиных, купцов-лесоторговцев Католикова, Унтурова и др., архитектора Джованни Фраполли. Правда, некоторые из них в итоге обосновались в других кварталах города (Лопухины, Жевахов, Богданович) либо не застроились вовсе (фон Бейер, Семенов, Кулеш, Теплов, Верлейн, Черноглазов).

Известно, что Пушкин наверняка бывал в этом районе, по крайней мере в доме Давыдовых, где по приезде обосновалась княгиня В.Ф. Вяземская с детьми и прислугой. Вполне вероятно, Поэт мог посещать, скажем, особняки Потоцких, Турчаниновой и вплотную примыкавший ко двору Давыдовых со стороны Елисаветинской улицы дом и участок Вицмана. В то же время дома Давыдовых и Вицмана располагались через дорогу от особняков Потоцких и Турчаниновой.

Дома Давыдовых

Их локализация и атрибуция остается столь же актуальной, как и участков с домами Бларамбергов, об одном из которых речь уже шла, а о другом мы еще будем говорить. Помимо чисто градостроительной проблематики тут значима и мемориальная, связанная с пушкинским окружением и пребыванием Поэта в Одессе.

Первый серьезный исследователь этой проблемы, В.А. Чарнецкий, собрал и проанализировал ряд первоисточников, на основании чего сделал следующее заключение. «В областном архиве, в книге записей утвержденных проектов домов значится, что «проект плана и фасада для постройки дома генеральше Давыдовой на Греческом форштате, в LXXVII квартале, на участках под номерами 801 и 803 выдан 21 июня 1822 года». Речь идет о месте по Софиевской улице, № 14, угол Конной, № 1. В одной из описей числится дело о выдаче открытого листа (свидетельство об окончании постройки дома) Давыдовой на двух листах, но само дело утрачено. Имеется документ, выданный в 1846 году жене подполковника Хоперского (очевидно, купившей этот дом), о выдаче ей проекта фасада магазина на этом месте. В конце документа справка о том, что открытый лист на имеющийся на этом месте дом «был выдан генерал-майорше Давыдовой 17 мая 1824 года». Таким образом, во время приездов Раевских и Давыдовых дом Давыдовой только строился. Вяземская, проживавшая в нем в июне, отзывалась о доме как непригодном для жительства в холодное время года – очевидно, недавно законченный, он был еще сырым».³

Дом Давыдовых со стороны улицы Конной. Снимок Натальи Евстратовой, начало 2010-х гг.

Мне удалось разыскать в ГАОО все документы, о которых упоминает Владимир Адамович. В «Книге на записку планов, утвержденных Комитетом» в 1822 году, действительно значится план и фасад дома генеральши Давыдовой на сказанном месте, выданный, правда, не 21, а 19 июня.⁴ Нашел и название упомянутого утраченного дела от 28 марта 1824 года «О выдаче открытого листа генеральше Давыдовой на дом в 3-й части.⁵ Опять-таки, отыскал и дело 1846 года «О фасаде на магазин полковницы Варвары Хоперской»⁶.

Однако реально ход событий развивался не так, как предполагал В.А. Чарнецкий. На самом деле сюжет начался задолго до 1822-1824 годов, и сделанная в это время постройка лишь дополняла уже существующие, причем гораздо более значимые. Еще 7 августа 1816 года генерал-майорша Катерина Давыдова подала в ОСК прошение об отводе мест № 59-60 в VIII квартале Военного форштата. Это участки на углу нынешних улиц Дерибасовской, № 7, и Пушкинской, № 6. Но поскольку места эти были уже давно отданы в private руки (уточняя: архаичные строения небезызвестного семейства Железцовых, в августе 1818-го перешедшие к помещице Булацель) и частично застроены, то она попросила два других – как раз тех, о которых мы говорим: № 801 и № 803 в LXXVII квартале Греческого форштата. При этом назначался срок застройки – один год, считая с 1 мая 1817 года.⁷

Официально строительство должно было окончиться 1 мая 1818 года, однако фактически оно продолжалось дольше, что вообще случалось довольно часто: когда ОСК видел, что намерения застройщика серьезны, и работы ведутся качественно, никто особых претензий по соблюдению сроков не предъявлял. Насколько дольше, пока точно сказать нельзя. Но, как мы увидим ниже, дом был готов ранее 1821 года. Что касается некоторых любопытных обстоятельств самого строительства и личности проектанта, мне повезло найти на этот счет замечательный ответ. И возможным это стало по причине давней скандальной истории – конфликта двух градостроителей. Привожу симпатичный архивный документ полностью:

«Получено 12 июля 1818. В Одесский комитет. Архитектуры гезеля (то есть архитекторского помощника. – **О. Г.**) 14 класса (то есть коллежского регистратора. – **О. Г.**) Колесова. Рапорт.

Нескольким жителям города Одесса начертаны мною капитальным зданиям планы, с правилом и красотою гражданской архитектуры, по которым планам и строения производятся, именно госпожи помещицы генерал-майорши Скаржинской тож генерал-майорши Давыдовой, первой гильдии купца и почетного гражданина Кошелева, а многих не упомяну; июня месяца 24 числа дан мною план трем жителям, имеющим на новом базаре с колоннадою лавки, чтоб строили с противоположной стороны по другой улице двухэтажное здание, заключающее в себе дворы, по которому плану начали производить строение.

Но господин архитектор Фраполли (Джованни. – О. Г.), потребовав от тех жителей план на месте строения, без всякого внимания и не представив к начальству на рассмотрение, разорвал план, хотя от Комитета и не утвержденный, то и тогда я не виноват, что хозяева сделали упущение; таковой его, господина Фраполли, неблагоразумный поступок и противозаконный ни в какой нации терпим быть не может. И я почитаю сие к поношению чести моей, чувствую немалую обиду; представить честь имею на благорассмотрение Комитету, покорнейше прошу обратить внимание и от порока, причиненного мне Фраполли, защитить.

Архитектуры гезель 14 класса Колесов

Июля (число не проставлено, но ясно, что это было незадолго перед 12-м. – О. Г.) дня 1818 года».⁸

Чем закончился конфликт, я не знаю, информации пока нет. Здесь важен тот факт, что: а) летом 1818-го сказанные дома активно строятся; б) все они расположены в одном районе, принадлежат известным фигурантам региональной истории; в) все эти здания были довольно значительными, лучшими синхронными постройками в 3-й части города. Об этом говорит и их оценочная стоимость, и доходность в 1821-1823 годах, а отдельно в 1824 году, каковыми сведениями мы располагаем. Так, в первой из этих ведомостей значится полученный от генерала Давыдова налог с недвижимости в сумме 60 рублей.⁹ Это – на уровне наиболее солидных домовладений, и к тому же означает, что дом доходный.

В ведомости за 1824 год (взыскание налога с 30 апреля) прямо указана оценочная стоимость дома генеральши Давыдовой – 40.000 рублей, и новая величина налога 80 рублей.¹⁰ Поскольку

Старый флигель дома Давыдовых в глубине двора. Снимок Натальи Евстратовой, начало 2010-х гг.

величина налога с недвижимости оставалась неизменной с 1818 года, это может означать, что оценочная стоимость принадлежавшей Давыдовой недвижимости после достроек 1822-1824 годов увеличилась на четверть. Если взглянуть на план города, составленный архитектором Джорджо Торичелли в 1827-1828 годах, то мы увидим на интересующих нас местах три немалых по тем временам строения. Два из них – на месте № 801, на том, что ближе к середине квартала: одно – в глубине двора, параллельное улице Софиевской, другое – перпендикулярно ей, торцом. На угловом же месте № 803 – еще один флигель, по красной линии улицы Конной, торцом к Софиевской, несколько короче предыдущего.¹¹ Очевидно, он и построен в последнюю очередь.

Как было сказано, общая стоимость этих домостроений довольно велика. Для сравнения, мы видим в той же ведомости, например, что дворец графа Разумовского на Водяной балке оценен вместе с садом в 42.000 рублей, а дома Бларамберга и графини Потоцкой оценены по 30.000 рублей каждый.¹² То есть дома Давыдовых изначально были двухэтажными.

Из предыдущих выкладок следует, что большая и лучшая часть домостроений Давыдовых по Софиевской улице построена и функционировала по крайней мере в 1821 году, а скорее всего, даже в 1819-1820 годах. И, таким образом, во время приездов Раевских и Давыдовых в Одессу они вполне могли ими пользоваться, а Пушкин – посещать во все время своего пребывания в городе не только в 1823-1824 годах, но и ранее.¹³

Сегодня из трех сказанных строений сохранилось два: первичный дворовой флигель и тот дом, что был окончен постройкой весной 1824-го. Этот последний позднее достроен в направлении Елисаветинской улицы: с фасада оба строения сливаются, но во дворе причленяются уступом, ибо достройка шире. Есть информация о дальнейшей эволюции этой недвижимости.

9 июля 1830 года в муниципальной газете «Одесский вестник» помещено следующее объявление от Одесского коммерческого суда: «...на удовлетворение Киевского Приказа общественного призрения и частных лиц продается дом полковника Василия (Львовича. – **О. Г.**) Давыдова – 3 ч., Греческий форштат, 77 квартал, № 801 и 803, с принадлежащими к нему строениями и землею,

Фрагмент плана Одессы. 1828 г. Архитектор Джордж Торичелли

оцененный в 12.500 рублей ассигнациями. Последний торг 9-го, а переторжка 10 июля».¹⁴ Единственное, что здесь удивляет, это низкая оценка домостроений, каковые всего шестью годами ранее оценивались, как мы видели, в 40.000. А поскольку трудно предположить, что они могли так быстро обветшать, остается предположить, не подверглись ли они пожару. Впрочем, нельзя уж вовсе исключить и продажи строений по частям.

О дальнейшей судьбе строений и мест отчасти говорилось выше: в 1846 году ОСК утвердил фасад на магазин полковницы Варвары Хоперской, позднее встроенный меж существующими флигелями по красной линии Софиевской

улицы. Когда именно? Пока можно сказать, что постройка окончена не ранее 1848-го, ибо в оценочной ведомости одесской недвижимости на этот год она еще не значится.¹⁵ Еще одна перестройка зданий, изначально принадлежавших Давыдовым, относится к 1873 году, о чем сообщает лепнина на аттике фасадного флигеля (см. фото). В это время прежний магазин был перестроен в жилой дом тогдашним владельцем – муниципальным деятелем бароном Александром Стuarтом.¹⁶

Этот мемориальный адрес – улица Софиевская, № 14, – внесен в проект «Пушкинский маршрут» международного ежегодного поэтического фестиваля «Пушкинская осень в Одессе». На нем, как и на ряде других объектов, связанных с пребыванием Поэта (дома Кирьякова, Бларамберга, де Рибаса, Кошелева и др.), намечено установить памятный знак.

Дата перестройки бывшего дома Давыдовых бароном Александром Стuarтом
Снимок Натальи Евстратовой, начало 2010-х гг.

Иоганн Вицман

Иван Иванович (Иоганн Христиан) Вицман (Витцман), – один из первых исследователей бальнеологических характеристик одесских лиманов и автор монографии по этой проблематике (1835): на основании пятнадцатилетнего опыта он, в частности, описал и попытался объяснить эффект свечения воды, способы грязелечения и др. Этим, собственно говоря, практически исчерпывается доступная широкому кругу читателей информация о Вицмане.

Не хочется прибегать к назидательности, но насколько же мы все-таки ленивы и нелюбопытны, и притом на каждом шагу горделиво бьем себя в грудь и клянемся в вечной бескорыстной любви к Одессе и нашим достойным предшественникам. Да ни хрена мы не знаем, и знать не хотим, в чем нетрудно убедиться хотя бы вот на этом конкретном примере.

И.И. Вицман – военный врач, служил полевым генерал-штаб-доктором (в гражданском чине надворного советника) во 2-й Западной армии под началом генерал-майора графа Э.Ф. Сен-При (начальника главного штаба; о нем бы нужен разговор особый). Участвовал во многих горячих делах, в том числе под Бородино, имел высочайшие награды. По армии он состоял и ранее, ибо сохранилось медицинское свидетельство, подписанное им, тогда коллежским асессором, 29 ноября 1809 года, и выданное полковнику князю Б.А. Четвертинскому, брату небезызвестной фаворитки императора Александра Павловича, М.А. Нарышкиной, командиру эскадрона лейб-гвардии гусарского полка. К слову, Четвертинский тоже связан с Одессой.

В 1813 году Вицман управлял военно-временными госпиталями в Калужской, Тульской и Орловской губерниях. Условия в госпиталях – Калужском, Козельском, Белевском, Одоевском, Орловском и Мценском – тогда сложились суровые: эпидемии, скученность раненых, дефицит персонала, медикаментов, продовольствия, и это приводило к росту смертности. В то время Вицман, между прочим, вел переписку с начальством, ходатайствуя об использовании пленных врачей, прежде всего, немцев и поляков, в военных госпиталях после сдачи соответствующих

экзаменов. Это предложение нашло поддержку. Показательно, что именно И.И. Вицман, прикомандированный к военному госпиталю в Галле, свидетельствует о ранах и смерти Кутузова от инсульта в апреле того же года в Медицинский департамент Военного министерства. Мало того, Вицмана воспел сам В.А. Жуковский в стихотворении «К Кавелину» (1814):

Кавелин! друг, поэт, директор
И медиков протектор,
Я с просьбою к тебе!
Угодно было так судьбе,
Чтоб я в Орле узнал Гаспари.
Природа не дала ему той важной хари,
С какою доктора
Одной чертой пера
Подписывают нам патенты на могилу!
Нет! доктор – Антиной!
Как ртуть живой.
И смерть с ним потеряла силу.
За то, что он в Орле
С известным генерал-штаб-доктором Вицманом
В военном заседал гошпитале,
И докторским своим фирманом
Над ним всех древних прав навеки смерть лишил;
За то, что не дал он потачки
Вербовщикам ее сестры – гнилой горячки...

Даже доблестные специалисты в области литературного краеведения не заметили столь замечательного человека, прожившего в Одессе много лет и проявившего себя на разных поприщах. Что до врача Гаспари, то он вместе с Вицманом боролся с эпидемией тифа в Орле, за что был представлен к ордену Святой Анны II степени, о получении какой-то награды и хлопотал Жуковский; поневоле вспомнишь доброго доктора Гаспара из «Трех толстяков». Кстати, во время наполеоновского вторжения Иоганн Гаспари служил во врачебной управе Херсона, имея чин коллежского ассессора, и наверняка бывал в Одессе. В том же 1814 году Василий

Андреевич еще раз упоминает о Вицмане, правда, иронически, в шуточном стихотворении, адресованном любимой крестнице Сашеньке Протасовой, каковую, как в ту пору принято было говорить, пользовал наш доктор.

Служивцами Вицмана по 2-й Западной армии были многие будущие видные одесситы и их родственники: Сен-При, Левенстерн, Дембровский, Ферстер, Маевский, братья Лесли. Так что после окончания военных походов Вицман, как и некоторые другие, осел в Одессе – не позднее 1817 года. В то время он вступил в масонскую ложу «Понт Эвксинский».¹⁷ В ее состав входили многие влиятельные лица, начиная с градоначальника и военного губернатора графа Ланжерона, руководителя этой ложи. Можно начать с военных – одесского коменданта, весьма заслуженного воина Силина, командира одесского артиллерийского гарнизона Облеухова, адъютантов Ланжерона Волконского, Дункеля, Флуки, затем офицеров Вегелина, Мейера и др., полицмейстера Достанича, капитана 2-го ранга Телесницкого.

В ложе состояли профессора Ришельевского лицея Пиллер, Виард и др., врачи Стуббе, Эпитес, Камозн и др., чиновники Неженец, Шмидт (фармацевт), Голиков, Гибаль (один из первых одесских журналистов), Шааль (архитектор), Гельмерсен (военный инженер), Десмет (знаменитый садовод), негоцианты Кортацци, Ксенис, Гогель, Андре (гофмаклер одесской биржи), Пасто (биржевой маклер), Коллен (один из первых книготорговцев и держателей частных библиотек), Вальб (крупный строительный подрядчик), Этлингер, Гаторно и др. Официально деятельность масонских лож прекращена в январе 1822 года, и с тех пор все государственные служащие подтверждали неучастие в каких-либо тайных обществах стандартной распиской.

Свою гражданскую службу в Одессе Вицман начал товарищем инспектора портового карантина в чине надворного советника, имея к тому времени ордена Святой Анны II и Святого Владимира IV класса.¹⁸ В первой половине 1820-х Вицман служил (до 1826-го) первым инспектором, то есть руководителем, Одесской врачебной управы, высочайше учрежденной 25 октября 1820 года; эта институция имела право действовать независимо от таковой же губернской управы. Инспектору назначался довольно приличный

оклад 1.500 рублей в год. Ему подчинялись доктор (штаб-лекарь), городской врач и письмоводитель. Трудно даже перечислить функции Врачебной управы в городе, находившемся в поистине адовом эпидемиологическом котле, да еще близ театра военных действий. Проиллюстрирую эту сторону деятельности Вицмана следующим примером.

Испытывавшая острейший дефицит в питьевой воде, Одесса пользовалась не только подземными водами, но и колодцами, о чем мало кто знает. На самом первом этапе существования города граждане рыли их в складчину. Если колодцы копали не в балках, а на высоком Одесском плато, дело было трудоемкое, дорогое, поскольку глубина залегания водоносных горизонтов порой превышала 40 метров. Герцог Ришелье постановил употреблять на водоснабжение таможенный сбор, и таким образом поддерживалась исправность общественных колодцев. Однако контролем состава и качества колодезных вод по-настоящему занялся лишь Вицман – по распоряжению одесского градоначальника графа А.Д. Гурьева. До нас даже дошла ведомость пробам воды, отобранным из 13 общественных колодцев в пушкинское время. Кроме всего прочего, это удивительный научный документ для нынешних гидрогеологов и экологов. В том эпизоде Вицман работал вместе с такими известными фигурантами региональной истории, как военные инженеры Гаюи и Круг, полицмейстер Василевский. Сохранились архивные документы 1823-1824 гг., отражающие эту работу.¹⁹

Разумеется, Иван Иванович занимался и частной практикой, поскольку был не просто дипломированным доктором медицины и хирургии, но полевым военным хирургом с огромным практическим опытом. Можно уверенно говорить о том, что большинство обосновавшихся в Одессе военных и их семей были его пациентами. Что касается медицинского образования Вицмана, он получил его в старинном университете (1665) города Дуйсбурга, близ Дюссельдорфа, в земле Северный Рейн – Вестфалия.

И тут возьму на себя смелость сделать одно предположение. В ряде архивных документов имя супруги Вицмана записано не только в форме Роза, но и Рейза, что не может интерпретироваться иначе, как указание на ее еврейское происхождение.

№ 5003

Возвращая
№ 28. Кнудовъ

Его Святости.

Господы Генерал-Майору Вюртембергскому Градоначальнику и Го-
вардскому Графу Александру Димитриевичу Гурьеву.

Инспектора Вречебной Управы Вицмана
Нагорнаго Свѣтлана Вукиевича!

Ваше письмо
прислано

Спасибо.

Во исполнение предписания Вашего Свѣтл-
ства отъ 11го сего Октября № 363⁷ къ исполнению обяза-
тельства водопользования собственнаго съ Г-^{на} А. Сидорова на ка-
чества воды употребляемой вонинахъ Городскихъ Купальницъ Канди-
давъ, изслѣдована была вода въ источникахъ отъ разныхъ коло-
дезовъ напорты воды, а также по обязанности изслѣду-
емъ химическимъ образомъ оказалось состояніе воды при этомъ
представити Водопользователю. Виссимири Вукиевича

Вашъ

№ 216
Ватагра 25 янв
1823 года
В. Вукиевичъ

Рапорт инспектора Вречебной управы Вицмана градоначальнику графу Гурьеву относительно исследования качества воды в городских колодцах от 25 октября 1823 г.

Но тогда, не исключено, и сам Иван Иванович – из выкрестов. Еще в начале прошлого столетия немецкие исследователи свидетельствовали: в университете Дуйсбурга обучалось медицине множество евреев из рейнских городов, а в самом городе еврейская община существовала еще в XVII веке. В этом смысле показательно второе имя Вицмана, Христиан, которое теоретически могло быть получено при крещении. Впрочем, это всего лишь мое предположение. А вот насчет супруги, по-моему, можно говорить более определенно. Сохранившиеся метрические записи, кстати, фиксируют единичные бракосочетания лютеран с иудейками в Одессе, разумеется, после их крещения.

Представляю тут очень славный, в том числе в смысле каллиграфии профессионального писца, документ, подписанный Вицманом в октябре 1818 года. В нем он сообщает Одесскому строительному комитету о том, что застроил по выданному плану два отведенных ему места, под № 802 и 804 в LXXVII квартале Греческого форштата.²⁰ Это половина квартала нечетной стороны нынешней улицы Щепкина (Елисаветинской), от Конной в направлении Торговой. В настоящее время, по счастью, сохранилась значительная часть исторической застройки – левый фасадный флигель под № 1. В реестре объектов культурного наследия он почему-то датирован 1824 годом, хотя, как мы увидим ниже, сохранившимся планом 1834 года намечена лишь достройка к уже существовавшему с 1819-го солидному плану.

Согласно архивным документам, Вицман получил места под застройку 3 января 1818 года и, располагая всеми необходимыми ресурсами, сумел окончить работы в течение одного строительного сезона, весной-осенью 1818-го. К слову, были и другие соискатели этих мест, но получил их Вицман. В начале следующего года архитектор Александр Дигби доложил Комитету о том, что застройщик превосходно справился со своими обязательствами. Подобное случалось нечасто, то есть подчеркнуто позитивная оценка контролирующего зодчего, напротив, чаще они отмечали отдельные недоработки или несоответствия проекту. Не исключая поэтому, что проект составил сам контролер. Так или иначе, а 28 февраля 1819 года Вицман получил владельческие документы.²¹

Полу 28 апреля 1818
Октя 26 1818

Всё Высшій Комитетъ.

Надворного советника Ивана
Вицмана.

Прошение.

Представляю у себя Кухню выстроенную мною изъ своего
имущества на постройку даму состоящую въ городѣ
Сурале на Успенскихъ фронтонѣхъ въ LXXVII^м квар-
талѣ подъ №^{ми} 802^м и 804^м на коихъ въ листѣ
Свѣдѣній даю по плану выданному Комитетомъ
Надворнымъ прому своею сподвигъ междо Наскоен-
ное владѣніе открытымъ листомъ.

Иванъ Вицманъ

Октя 23 1818

С. Петербургъ. Двѣ.
1818 года.

Прошение надворного советника Ивана Вицмана о получении владельческих документов на выстроенный дом. Подано 26 октября 1818 г.

Помимо беспокойной службы и обширной частной практики Вицман серьезно занимался наукой, как было сказано, изучал лиманы, а с 1822 года состоял корреспондентом Медицинского совета Медико-хирургической академии. Примерно в конце 1820-х ему пришлось опробовать изучаемое грязелечение на себе: он перенес болезнь, когда-то убившую его высокого начальника Кутузова, – инсульт. Был он тогда еще нестарым человеком, около 50-ти лет, и сказанное самолечение помогло. Тогда Вицман стал пропагандировать лиманную бальнеологию – сперва в периодике, а затем и в монографии.

К сожалению, точная дата кончины нашего героя мне пока неизвестна. Ранее 1832 года он уже имел чин коллежского советника, в 1834-м осуществил некоторые мероприятия по перестройке своих домов, согласно проекту выдающегося архитектора Ивана Козлова (чертеж прилагается)²⁵, а годом позднее издал книжку о целебных свойствах одесских лиманов. Не позже 1832-го доктор владел и еще одним домом – в 1-м полицейском квартале 2-й части города.²⁶ Из архивных документов видно, что в начале марта 1838 года его супруга, тогда уже вдова, переоформляет владельческие документы на принадлежащий им в Одессе хутор.²⁷ Она же, коллежская советница Рейза Вицман, и снова по тому же поводу фигурирует в архивном деле 1841 года.²⁸ Хутор был куплен Вицманом еще летом 1820-го.²⁹

Около середины 1840-х годов дом Вицмана перешел во владение купца первой гильдии Андрея Эрлаха (Эрлака). В 1848 году «дом и три магазина купца Эрлака» оценены в 17.600 рублей серебром, а в 1855 году – 19.090.³⁰ В 1860-х и позднее принадлежал еще одному крупному коммерсанту, тоже купцу первой гильдии, турецкому консулу в Одессе – Рафаилу Хаве,³¹ солидному хлеботорговцу. Известный бытописатель А.М. де Рибас вспоминает, как в начале 1860-х его семейство квартировало в дворовом флигеле этого дома, и как их донимала пшеничная пыль из упоминавшегося выше хлебного магазина (амбара), да и огромные воинственные крысы. Впоследствии, вплоть до самой революции, хозяевами дома были опять-таки крупнейшие предприниматели – представители известного греческого купеческого рода Вучина.

Вицман был прихожанином лютеранского храма, но на этот счет я не располагаю синхронными метрическими записями. Есть лишь более поздние, в которых фиксируется кончина Катарини Вицман (30.08.1829 – 10.10.1877) – очень похоже, его незамужней дочери. Во всяком случае, имя отца указано как Христиан, что соответствует аутентичному Иоганн-Христиан. Зато Вицман упоминается в одной из метрических книг Соборной церкви – как восприемник при крещении сына неизвестного канатчика, будущего городского головы Якова Новикова, Иоанна, 3 января 1824 года.³² Кто знает, что их связывало... Они были ровесниками. Возможно, Вицману как хирургу обязана роженица.

Круг общения его был очень широк. Трудно представить себе, что пути Вицмана не пересекались и с одесскими маршрутами коллежского секретаря Пушкина, тем более – при столь значительном числе общих знакомых и упомянутом соседстве недвижимости доктора и Давыдовых.

Примечания

¹ ГАОО, ф. 1, оп. 248, д. 411, л. 102 (194).

² Там же, л. 116, 117, 127.

³ В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... – Одесса: Друк, 2001, с. 69.

⁴ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 4 об.

⁵ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 358. – 2 л. Утрачено.

⁶ Там же, оп. 2, д. 940. – 3 л.

⁷ Там же, оп. 1, д. 96, л. 515-516.

⁸ Там же, оп. 1, д. 127, л. 202.

⁹ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 133, № 414.

¹⁰ Там же, д. 215, № 160 (ч. 3 и 4).

¹¹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22278, л. 1; ОГИКМ, инв. № К-584.

¹² ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 133. – 48 л.

¹³ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: Наука, 1991. – 786 с.

¹⁴ Одесский вестник – 1830, 9 июля, № 55.

- ¹⁵ Список домам и домовладельцам, состоящим в 3-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 33.
- ¹⁶ К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 55.
- ¹⁷ А.И. Серков. Русское масонство: 1731–2000. Энциклопедический словарь. – М: РОССПЭН. – 2001, с. 186.
- ¹⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат российской империи на лето от Р. Х. 1820. – Ч. 2, с. 251.
- ¹⁹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 260. – 92 л.
- ²⁰ Там же, ф. 59, оп. 1, ч. 1, л. 171, 172, 173.
- ²¹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 157.
- ²² Там же, д. 284, л. 583 об. – 584.
- ²³ Там же, д. 287, л. 331 об.
- ²⁴ Там же, ф. 4, оп. – 1А, д. 133, № 410; Там же, д. 215, в 3-й части, № 157.
- ²⁵ ОГИКМ, инвентарный № К-104.
- ²⁶ ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942, № 95.
- ²⁷ Там же, ф. 59, оп. 3, д. 296. – 6 л.
- ²⁸ Там же, д. 370. – 4 л.
- ²⁹ Там же, д. 22. – 22 л.
- ³⁰ Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 33; То же на 1855 год, ч. 3. № 149.
- ³¹ ГАОО, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 33; К. Висковский. Путеводитель по Одессе. – Одесса. 1875, с. 56.
- ³² ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 100.

Продолжение следует

